

Виталий Семёнов

Деревня едет в город

16+

Виталий Семёнов
Деревня едет в город

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Семёнов В. М.

Деревня едет в город / В. М. Семёнов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Рассказ о том, как молодой парень из глухой деревни открывает неизвестный ему мир жизни мегаполиса. Передана реальная жизнь в северной глубинке и переживания героя не без нотки юмора.

© Семёнов В. М., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Деревня едет в город

Виталий Семёнов

1. Нежданная новость

Дверь в избу со скрипом отворилась, и на пороге показался улыбающийся Никита. Глуховатая бабка Шура определила, что кто-то вошёл, не по звуку, а по струе морозного воздуха, ворвавшейся в горницу и неприятно щекотнувшей ноги. Она обернулась и раздражённо, скрипучим голосом, молвила:

– Вот кого не ждали-от! Явление Христа народу! Прости Господи, – бабка истово перекрестилась на иконы. – И чавой рот-от до ушей? Где понабрался?

Никита улыбнулся ещё шире. Ворчание старухи не только его не задевало, но даже действовало как-то умиротворяющее. Без него парень не мог себе представить этого дома, в котором прожил почти семнадцать лет.

– Бабка! – начал он свою, неожиданно торжественную, речь. – Я ведь, это само... Ты тут не это...

Никита погрозил пальцем, с трудом скинул рукав тулупа только с одной руки, не разуваясь, прошёл к столу и тяжело плюхнулся на скамью.

– И где ж это ты вина насвинячился? Где ж деньги-то взял, ирод?

– На свои-и-и! – с вызовом и чуть обиженно ответил Никита.

– Ох-х! Да нешто ли..? Не пенсию ль у меня стащил?

Бабка Шура ринулась к комоду, подозрительно оглянулась, потом быстро открыла дверцу и пощупала по полкам. Загромыхал старый сервиз.

– Нет, все тут...

– Я ж говорю – на свои пил! – несильно хлопнул ладонью по столу парень, освобождаясь от второго тулупьего рукава.

Опасаясь, что во хмелю Никита будет бузить, бабка заговорила примирительным тоном:

– Откуда ж на свои-то, Никита? Где ж ты взял? Украл штоль?

– Я человек честный! Мне чужого не надоть! Я, бабка Шура жизнь менять буду! Не узнаешь меня!

– Курить штоль бросишь? – с надеждой спросила старуха, памятуя, какую бешеную сумму денег её племянник тратит в месяц на папиросы.

Никита криво усмехнулся, долго рылся в карманах рабочего комбинезона и, наконец, нашупал то, что искал. Прикурив и сделав первую затяжку, он выпустил облако дыма прямо на середину комнаты, где стояла слегка ошалевшая бабка Шура.

– От эть упырь злой! Опять всё продымишь тут! – опомнившись, по привычке запричитала та. – Бельё только постирано всё куревом провоняет! Говорила тебе – кури в печку!

– Цыц! – беззлобно и тихо произнёс Никита. – Я курить бросать пока не думал, но теперь всё может быть.

Интрига продолжалась. Бабка Шура задумалась и быстро, почти бессознательно проанализировала ситуацию:

Первое – угостить выпивкой её племянника сегодня вряд ли кто-то бы смог, даже если б хотел. А таких было среди его дружков немного. До получки оставалось недолго, так что даже все заначки, без сомнения, были потрачены.

Второе – в магазине в долг водку не давали.

Третье – за самогон – это она знала точно – почти поголовно все в деревне должны были Ерофею.

Четвёртое – экономить, в том числе на сигаретах, Никита не умел.

Пятое – пенсии у неё не трогал. Воровать – говорит – не воровал. Да ещё и утверждает, что на свои деньги пил. И эти странные слова «теперь всё может быть»...

Откуда ж он взял деньги на вино? – так и не пришла к единому умозаключению бабка Шура.

– Из Москвы! – вдруг рявкнул Никита.

– Откель? – бабка Шура, памятуя про свою тугоухость, решила, что ослышалась.

– Из Москвы, говорю!

– От президента штоль?

– Не веришь? На-кось, читай! На почте получил!

День назад Никита действительно вернулся домой чем-то сильно взбудораженный. Сам ни о чём не говорил, а бабка Шура ему в душу решила не лезть – захочет, сам расскажет. А утром парень, даже не допив чаю, сорвался с места и куда-то убежал, на ходу напяливая на себя свой старый облезлый тулуп, доставшийся ему в наследство от покойного деда Якова, мужа бабки Шуры.

– Этой не на работу его так несёт, – тогда покачала головой ему вслед она, и, глядя через маленькое оконце на быстро удаляющуюся среди сугробов фигуру племянника, предположила. – Уж не девка ль у него где завелась?

Отца у Никиты не было. До десяти лет он жил с матерью, пока органы опеки его не забрали из грязного дома, полупустого, заваленного окурками, пустыми бутылками и спящими вповалку чередующимися друг друга сожителями матери. Передали его под опеку в соседнюю деревню Маковка, к родной тётке. Тогда ещё был жив дед Яков, её муж. Он уже тогда были в почтенном возрасте, как и сама бабка Шура, которая была старше своей сестры, матери Никиты, на тринадцать лет. Оттого он и звал её сызмальства бабкой Шурой.

Когда Никита подавал ей какой-то документ с цветной красивой рамкой, отпечатанный на глянцева бумаге, она, признаться, несколько струхнула. Москва в её сознании устойчиво ассоциировалась с двумя образами. Старый был получен ещё лет тридцать назад, в советское время, когда в колхозе её премировали путёвкой в столицу. Из этой поездки в памяти её остались: кремль с огромной очередью к мавзолею, небывалое изобилие в огромных магазинах, очень много машин, вкусное мороженое на вокзале и негры, которых можно было встретить прямо на улице. Новый образ брал истоки из новостных сюжетов, передач и сериалов по телевизору. И, пожалуй, сегодня он одерживал верх над старым образом. Бабке Шуре сразу представились улицы, заполонённые миллионами озлобленных людей и чёрными бандитскими внедорожниками; лёгкие деньги, украденные со счетов обездоленных пенсионеров; проститутки, стоявшие на каждом углу. И посреди всего этого – её глупый и добродушный Никитка, не выезжавший никуда дальше Архангельска, областного центра. Даже службу в армии там проходил, как единственный кормилец в семье.

– Это что это? – не понимала бабка Шура, близоруко вглядываясь в документ. – Где очки мои? Никита, не видал?

– На лбу, – коротко ответил племянник и, сильно пошатываясь, пошёл в уборную на поветь.

– Ой-ой! И верно! – очки, о которых она совсем забыла во время глажки белья, действительно оказались на лбу.

Читала бабка Шура по слогам, беззвучно шевеля истрескавшимися губами, и боясь пропустить хоть одно слово.

Документ адресовался именно Никите – об этом гласили надписи в верхнем правом углу с указанием адресата и его точного почтового адреса – деревня Маковка. Ниже следовали реквизиты отправителя.

– ООО «Биз-нес старт-ап»... – зачитала вслух бабка Шура и, цокая, покачала головой. – Это чтой-то – Бизнес... стартап... Это откогой это?

Волнение её усиливалось. Она не раз слышала о надувательствах простых граждан разными бизнесменами, скрывающимися под громкими именами фирм. Бабка Шура и сама входила в ряды миллионов обманутых вкладчиков, ещё в 90-е годы доверившихся бизнесменам и их всякого рода компаниям-пирамидам. И не сомневалась в правильности единого для большинства её земляков мнения: олигархи покупают особняки, яхты и заграничные футбольные клубы за счёт обманутого народа. Теперь они хотят обмануть и отнять последнее через её непутёвого племянника.

– Ишь чё выдумали! – угрожающе прохрипела она, но решила дочитать до конца. – «Уважаемый Никита Николаевич! Приглашаем Вас принять участие в первом совещании Международной конференции развития сельских территорий в качестве представителя граждан, проживающих в сельской местности. Ваша кандидатура была выбрана компьютерной системой путём случайного отбора из базы данных. На совещании мы предлагаем Вам озвучить основные проблемы сельских жителей и пути их решения. Проезд и проживание оплачиваются. Независимо от Вашего решения об участии деньги, высланные вам на эти цели, Вы можете не возвращать...»

Бабка Шура аж присела. Так вот откуда у Никиты нашлись деньги на выпивку!

В эту самую минуту в избу вернулся племянник. Скинув свитер и рубаху, он начал яростно умывать лицо, руки и грудь возле раковины. При этом громко отфыркивался и весело кричал. Повернулся он к своей тётке в уже слегка изменённом виде – посвежевший, бодрый и даже как будто слегка протрезвевший. Правда, затуманенные глаза ещё выдавали в нём человека, совсем недавно и довольно близко познакомившегося с зелёным змием.

– Никитушка... – жалобно простонала бабка Шура, подыскивая слова, чтобы предостеречь его от неразумного поступка. – Ты это ж чёй ног..? Ехать туда штоль собрался?

Никита улыбнулся с видом знатока, хорошо разбирающегося в таких тонкостях, и ответил вопросом на вопрос:

– Баб Шура, у нас вроде бы брага где-то была? Плесни кружку, да спать пойду.

Фляга с брагой стояла в шолныше – закутке за русской печкой. Бабка Шура сжегивала с неё понемногу – для настроения в дни, когда приходили гости, и «для здоровья» Никите после бани.

Все посягательства на эту брагу со стороны Никиты заканчивались неудачей. Вернее, так думала именно бабка Шура. На защёлку фляги навешивался массивный амбарный замок, а сама ёмкость заваливалась разным барахлом, чтобы ограничить к ней доступ. К тому же сама хозяйка почти всё время находилась в избе, так что её племяннику было довольно сложно отлить себе браги, когда бы ему ни вздумалось.

Однако было в этой системе защиты слабое место. В крышке фляги было сделано отверстие для выхода газов от брожения браги, в него вставлялся отрезок шланга. Внутри ёмкости он не доходил до уровня желанной жидкости. Однако Никита сообразил сразу – диаметр отверстия отрезка шланга позволяет вставить в него золотник другого, топливного, шланга и при помощи груши можно быстро и незаметно нацедить себе кружку в случае необходимости. Делалось это обычно под шумок, когда бабка Шура зачем-то выбегала во двор или шла кормить коз.

Но на этот раз повод был. К тому же сама бабка Шура была так ошеломлена известием, что между валидомом и брагой под давлением племянника выбрала последнее.

– Спать пойду, – причмокнув и сделав последний глоток, решительно заявил Никита.

Это было на него так не похоже. Обычно, придя с гулянок, он долго, как говорила бабка Шура, «колбасился по избе»: бродил из угла в угол, спорил с телевизором, о чём-то ворчал и, бывало, засыпал только ближе к полуночи. Бабка Шура озабоченно глянула на часы – была только половина девятого. Потом перевела взгляд на племянника – он как раз в эту минуту с криканием заползал на жарко натопленную русскую печь.

– Никитушка! – всплеснула она руками, словно опомнившись. – Да как же так? Дык обманут тебя! Куда ж ты, дурак, собрался? Что ж делать-от?

– Цыц, бабка, – тихо, почти шёпотом ответил Никита, уstraиваясь на лежанке. – Стали бы они обманывать и высылать мне деньги? Значит, я им нужен! Может, и сам в Москве устроюсь, и тебя туда перевезу. Вот завтра пойду... – он сладко зевнул. – Пойду в контору... возьму... возьму расчёт... а потом... потом...

Он говорил всё тише, глаза его закрылись сами собой, а под конец бабка Шура услышала его громкое ровное дыхание. Вскоре оно переросло в густой и громкий храп. Старуха уселась на лавку, сложив на коленях худые, извитые венами, морщинистые руки. Взгляд её упёрся в красочный документ, который сулил новые пугающие перемены в их с племянником жизни.

2. На «семейном» совете

Долго оставаться наедине со своей новой бедой бабка Шура не могла. И на её счастье в гости пожаловала соседка. Её ровесница Варвара, отличалась куда большей пронизательностью. Она владела волевым характером, напористостью, граничащей с нахальством, и тучностью – объёмами тела раза в два превосходила бабку Шуру. Едва войдя, как обычно без стука, Варвара сразу уловила озабоченность в лице хозяйки.

– Что, Захаровна, стряслось?

Старуха вскочила на ноги и едва ли не вприпрыжку помчалась ставить чайник, на ходу причитая плаксивым голоском:

– Ой, не говори, Варвара! Ой, не говори!

Гостья подозрительно принялась и посмотрела на ноги, торчавшие из-за занавески, закрывающей печную лежанку. Одна нога Никиты была боса, с другой свисал не до конца стянутый носок.

– Никитка штось набедокурил? Беда ведь с ним, непутёвым! Хоть бы жонку скорее завёл. Хотя... и она бы с ним намучилась!

Чувства буквально переполняли бабку Шуру. Захлестнувшие эмоции мешали ей начать свою исповедь. Однако ж, на скорую руку собрав на стол угощенье, разлив чай по чашкам, она присела за стол на табурет и, собравшись с духом, выложила перед старой подружкой всё, что с ней произошло, и что она по этому поводу думала.

Только Варвара открыла рот, чтобы выразить своё собственное мнение, как бабка Шура, мельком глянувшая в окошко, вновь подпрыгнула на месте:

– Ой, Марийка идёт! Ещё штось чё несёт с почты?

До тех пор, пока почтальонша не вошла в избу, старуха продолжала вздыхать. А глаза Варвары тем временем засверкали азартным блеском. Она пришла в этот дом вовремя! Как раз в тот момент, когда в Маковке зарождается новость, каких не бывало уже с десятков лет. И Варвара становилась даже не свидетельницей, а участницей событий! Эмоциональное напряжение передалось ей от бабки Шуры троекратно.

– Что, что несёшь? – закудахтала бабка Шура, встречая почтальоншу в дверях.

– Да ничего, – смущённо улыбнулась молодая женщина, снимая с плеча большую тяжёлую сумку с газетами и письмами. – Вот, зашла поведать.

– Ты не юли, Марийка! – рявкнула Варвара. – Вон Захаровну скоро паралич хватит. Что там Никитке по почте пришло?

– Честно говоря, я и сама зашла узнать.

– Говори, что знаешь!

– Никите вчера пришло заказное письмо из Москвы, я ему после работы сказала об этом, когда встретились случайно у колодца. А утром он пришёл к нам на почту, там же его вскрыл и прочитал.

– Сказал, что там?

– Я спросила, а он только что-то промычал и убежал. Наверное, на работу торопился.
– И всё? – разочарованно протянула Варвара, готовившаяся к приёму новой порции новостей.

– Так откуда письмо-то? По штемпелю видно, с Москвы, с какой-то организации...

– А тебе всё надоть знать! – рявкнула Варвара, не желавшая с ней делиться ролью первоисточника деревенской сенсации. – Скажи-кась, девка, а у колодца-от вы не случайно с Никиткой встречались? Чай глаз на него опять положила? Мало нагулялись-от школьниками?

– Да что вы, Варвара Филипповна! Я за водой пошла, а он – с вёдрами назад. Колодец в нашем околотке ведь один.

– А то мы не знаем, как вы с ним шашни крутили. Да только ты уж замуж успела сходить да развестись, а Никитка, как был бобылём, так и остался.

С печи, словно в подтверждение, донёсся громкий сиплый храп.

– Так это когда было-то! Сто вод утекло. Вы лучше скажите, что у него сейчас-то стряслось? Я же вижу, что это письмо тут шороху наделало. Вот и мужики говорят...

– Что говорят?

– Ну, я точно не знаю. Слышала, что Никита работал сам не свой, как с почты пришёл. А вечером пошёл в магазин и взял водки. Это мне Зоя, продавщица, говорила. Александра Захаровна, рассказывайте!

Понимая, что от несговорчивой Варвары вряд ли можно добиться толку, Марийка обратилась прямо к хозяйке. Та пересказал всё, о чём не так давно поведала своей соседке.

– Во дела! – протянула почтальонша. – Так что, Никита и впрямь в Москву собрался?

– Да, говорит! И тебя, бабка Шура, говорит, с собой заберу! И расчёт, говорит, на работе возьму. Что ж бригадир-то ему скажет? Ведь назад-от на работу потом не возьмёт.

– Во! Лёгко на помине! – хлопнула в ладоши Варвара. – День открытых дверей, блин.

Женщины обернулись к дверям, из которых вновь пахнуло стужей. Крякнув, Василий Андреевич стряхнул с кепки снег и, повесив её на крючок, прошёл на середину комнаты. Хозяйка и гости уставились на него с интересом.

А гость не торопился. Он степенно осмотрелся и, услышав с печки храп Никиты, сурово спросил:

– Спит?

– Спит, – подтвердили женщины.

– Вы уж это... Василий Андреевич, его не ругайте, – попросила бабка Шура. – Он ведь молодой ишшо, ума-то не нажил. Чуть что – за рюмку. Да ещё тут это...

– Мда, – присев за стол, многозначительно изрёк бригадир и по совместительству староста деревни Маковка.

Хозяйка сразу налила ему чаю, но, немного поразмыслив, поставила рядом с чашкой стакан с брагой.

– Угощайтесь, Василий Андреевич! На рябине настаивала. И вкусно, и настроеньице подымет.

Бригадир тоже, казалось, ушёл в раздумья, уперев свой тяжёлый взгляд в стакан с мутной жидкостью. Хозяйка и гости терпеливо ожидали вердикта. Наконец, он сделал несколько глотков, вновь крякнул и обвёл их строгим взглядом.

– Так, девчата, – сказал он. – Что с Никиткой делать будем?

– А что? А пошто делать с ним надоть что-то? – разволновалась бабка Шура.

– Говорит, уходит он с работы, куда-то счастье едет искать. Вчера ещё нормальный был, а сегодня как с цепи сорвался. Про него тут по деревне уже такие слухи пошли! Мол, и в Москву его бандиты к себе зовут, и мать с собой увозит, и на тебе, Марийка жениться хочет.

– Что? – покраснела почтальонша. – А я-то тут причём?

– Да, понимаю, что это слухи да пересуды. Но сам-то он ничего не говорит. А я его начальник, я должен знать. Вот за этим и зашёл.

На этот раз рассказывали уже все трое – каждый свою версию. Громче всех была, конечно, Варвара. И если бабке Шура она ещё давала вставить в свой рассказ несколько слов, то Марийку постоянно одёргивала:

– Не знаешь, так лучше не говори!

Выслушав историю случившегося, Василий Андреевич снова ушёл в раздумья, вертя в руках пустой стакан. Бабка Шура тотчас его наполнила.

– Ну, и что вы по этому поводу думаете, бабоньки? – осушив его, поинтересовался бригадир.

– Ой, да что тут думать? – первой заговорила бабка Шура. – Ведь сами его знаете – молодой, глупый, его кто хошь обманет. А тут какие-то мошенники объявились, заманивают красивыми бумажками, – хозяйка потрясла в воздухе приглашением. – Пропадёт он там! Ой, пропадёт, не вернётся!

– Но зачем они тогда ему выслали деньги? – засомневалась Марийка.

– Правильно в деревне говорят – это бандиты! – вступила Варвара. – Они ведь на какую угодно хитрость пойдут, чтобы человека до нитки раздеть! Или в рабство его угонят! Вон, ишь сколько таких случаев по телевизору показывают. Нельзя ему ехать! Надо остановить его, Василий Андреевич!

– Ну, и как же его остановить? Как проверить, что это мошенники?

– Ну, вы ж бригадир, староста деревни! Вы мужчина умный, может, подскажете что? Или повлияете на него как?

Прошло ещё минут пять в полнейшей тишине. Было только слышно, как тикают настенные часы с кукушкой. Даже Никитин храп на какое-то время прекратился. Когда часы пробили девять, бригадир опорожнил в очередной раз услужливо налитый ему стакан и подвёл итог:

– Вот что – на этом «семейном совете» мы вряд ли придём к какому-либо толковому умозаключению. Но, как вы знаете, завтра вечером у нас будет сход, и мы можем поговорить об этом с народом. Никитка явно не в себе, пуцай отдохнёт дома денёк, подумает обо всём хорошенько. Только завтра чтоб ни капли в рот, а потом – как знает. И вечером пусть приходит в клуб. Скажите ему, Александра Захаровна, что мы не будем его ругать или отговаривать. Просто не хотим, чтобы он куда-то вляпался. Жалко ведь парня будет.

– Да-да! Всё поняла! Так и передам! Мы с ним обязательно в клуб придём! Пить ему не дам! Уж если не вас, не меня, то хоть народ послушает!

3. Сход

На повестке дня стояли три вопроса:

– о летнем строительстве нового колодца:

– о недостаточном качестве телефонной связи

– и то, что в протоколе собрания, который вела Марийка, значилось под грифом «Разное».

Под этим «разным» и подразумевалось обсуждение решения Никиты об оставлении родной деревни.

С первыми вопросами разобрались довольно быстро. Колодец в околотке, где как раз и стоял дом бабки Шуры, был единственный. Людям, живущим дальше всех от него, приходилось добираться за водой с коромыслами и вёдрами далеко. Зимой дело осложнялось сугробами, которые некому было убирать. Так что за решение проголосовали почти единогласно. Бабка Шура тянула руку выше всех. Воздержался лишь сам староста, так как именно ему предстояло «выбивать» деньги на стройматериал в райцентре. Но некоторую уверенность ему при-

дали мужики, сидевшие на дальних рядах зала, и утверждавшие, что без всяких денег готовы заняться срубом. Правда, со стороны, где они сидели, попахивало свежим перегаром, и нельзя было достоверно утверждать, что обещания мужиками были даны в здравом уме и буквально – в трезвой памяти. Так или иначе, можно будет их прижать насчёт того, что они дали слово, а если заартачатся, когда дойдёт до дела, расплатиться на худой конец с мужиками можно будет бутылкой, – смекнул Василий Андреевич.

По поводу телефонной связи все также были единодушны. Интернета в Маковке не было, мобильная связь почти не доставала, непостоянный сигнал с вышки в райцентре ловился только с угора, где стоял дом деда Ерофея. Так что проводной телефон был единственным средством связи и даже неотъемлемой частью жизни большинства. Многие, в первую очередь, женщины и, главным образом, пенсионерки часами говорили по телефону с детьми и внуками, с родственниками в других городах и даже друг с другом. Так что было решено направить два письма – в телефонную компанию, которая ленилась проверить и заменить ветхие линии связи, и в газету, чтобы её дополнительно пропесочить. Варвара заявила, что если так пойдёт и дальше, то надо писать сразу в прокуратуру.

Когда дело дошло до обсуждения пункта «разное», староста заметно смутился. Это в человеке строгих правил, ответственном, почти не пьющем и всегда уверенном в себе, заметил каждый житель деревни.

– Товарищи, нам тут поступило предложение обсудить... вернее дать рекомендации... напутствовать одного нашего молодого земляка.

Все взоры устремились на Никиту. А тот, казалось, преобразился. Он весь подобрался, был гладко выбрит, в меру опрятно одет, без привычного стеснения оглядывал своих земляков, а от вчерашней попойки на нём не осталось и следа.

– Это ты про то, что Никитка в Москву собрался? – раздался с задних мест прокуренный голос дяди Авдея. – Дык пушай езжает! Бабке Шуре меньше головной боли. Авось там и ума наберётся!

– У тебя штоль ума палата? – взвилась на дыбы Варвара, резко повернувшись назад всем телом. – Куда он поедет? Его ж бандиты к себе зовут!

– Какие ещё банди... – начал, готовый вступить в перепалку, дядя Авдей.

Остальные, предчувствуя предстоящий зрелищный скандал, крутили головами то к нему, то к Варваре.

– Товарищи! – вдруг гаркнул Василий Андреевич, отчего все вздрогнули. Он принципиально называл земляков по старосоветски «товарищами», потому как и сами они восприняли бы обращение «господа» и подобные буржуазные обороты речи как издевательство. – Товарищи, мы не в балагане! Спорить будете после схода. Сейчас мы должны решить, стоит ли Никите ехать в столицу?

– Да чего тут решать? – не унималась Варвара. – Как говорит мой внук, «его разводят как лоха»! Вот поверь мне, Захаровна, – ораторша повернулась к притихшей бабке Шуре. – Замордуют его там! Или вернётся таким же отморозком! А всё из-за того, что на какую-то красивую бумажку повёлся!

– Ой, боже ж ты мой! – охнула старуха.

– Да ты слушай её больше! – вошёл в раж дядя Авдей, который очень любил вступать в полемику после «принятия на грудь». – Что он тут, в нашей дыре, торчать будет? Что он в жизни видел? Школа, работа, пенсия – вот и вся жизнь! Телик по вечерам, зимой – дров заготовить, летом – сено. Он даже в театре, наверное, ни разу не был.

– Да, нужны ему эти театры! Ему б жениться, да детей завести!

При этих словах Варвара многозначительно посмотрела на Марийку. Та, сидя за столом подле старосты, сделала вид, что усердно что-то пишет в протоколе. Но при этом заметно

покраснела, что сказало её землякам о том, что слухи об её неразделённых чувствах к Никите, не были надуманны.

– А чего это вы за меня всё решаете? – неожиданно раздался тихий голос самого Никиты.

Он поднялся на ноги и осмотрел присутствующих долгим пытливым взглядом.

– Так мы, это самое... Помочь хотели, – притихла Варвара.

– Действительно, Никита, мы тебя пригласили на сход, чтобы помочь, – сказал Василий Андреевич. – Будешь старше – поймёшь. Мы тебе только добра желаем. Ты в моей бригаде работаешь еще с прихода с армии. Я считаю, что за тебя в ответе. Да, и все земляки так считают. Вот и тётя твоя беспокоится. Так мы уж решили, что совет тебе не помешает.

– Так вы отговорить меня решили?

– Ну, почему сразу отговорить? Разобраться хотели – что да как? Ведь ничего ж неизвестно про эту фирму, которая тебя вдруг ни с того ни с сего пригласила...

– А, кстати, почему это пригласили именно Никиту? – подал голос Серюня, местный «диссидент», как его называли в Маковке.

Было крайне сложно точно определить по виду его возраст. По слухам, он брился, но никто не помнит его без щетины. Видели его и выпивающим, но он и трезвым вёл себя точно также. Всё им подвергалось сомнению и критике. Поправив очки с толстой оправой и линзами, за которыми его глаза казались чуть ли не в два раза больше, чем на самом деле, Серюня продолжил:

– Чем он так прославился? Он что – поднимал сельское хозяйство? Или просто разбирается в политике? Каким образом его выбрали для конференции, да ещё и международной? Опозорится сам и опозорит нашу деревню – как пить дать!

– Так у него в документе и было написано: «Ваша кандидатура была выбрана компьютерной системой путём случайного отбора из базы данных», – зачитав по уже довольно измятой бумажке, вдруг вступилась за племянника бабка Шура, обиженная сомнениями на его счёт. – Случайного отбора! Из базы данных выбрали!

– Что, более достойных не нашлось? – ехидно спросил Серюня.

Никита лишь криво усмехнулся. Бабка Шура ещё негодовала, но не нашла, чем ответить на этот выпад. Её племянник и в самом деле был далёк от идеала – по этому поводу с Серюней не поспоришь. Родился в неполной семье с пьющей матерью, с малолетства до сих пор проживал с родной тёткой, жениться не торопился, ничем особо не интересовался, в бригаде на лесозаготовках слыл не лучшим работником, нередко выпивал и, бывало, прогуливал, лишаясь при этом премий и получая выговоры. Разве что не спивался окончательно, и преступать закон не имел желания, как огня боясь тюрьмы. Одним словом, ничем от ещё десятка таких же, как он, ровесников, проживающих в Маковке, особо не отличался. И на роль представителя деревни уж точно не годился – это понимала даже бабка Шура. Однако ж приглашение так или иначе пришло именно ему.

Наступившую тишину разорвал возглас Варвары:

– Я же говорю – бандиты это! Вот ты, Серюня туда за Никитку и езжай! Тебя не жалко!

Споры и рассуждения могли бы затянуться надолго, но их прервал сам Никита, который поднялся на ноги и, направившись к выходу из клуба, лаконично заявил:

– Сам как-ле разберусь!

4. Отъезд

В избе бабки Шуры уже давно не собиралось столько народа. Сама она была настолько взволнована, что не знала, куда себя девать. К искренней тревоге за племянника примешивалась хлопотливость гостеприимной хозяйки. Не бывало ещё такого, чтобы кто-то зашедший к ней в гости ушёл, хотя бы не испив чаю. И на этот раз она не должна была ударить в грязь лицом. Тем более тут был такой случай!

К полудню, когда начали подходить первые гости, бабка Шура согрела чайник и выставила на стол вазы с печеньем и конфетами. Но главным блюдом была большая тарелка с пирожками, начинёнными мясом, картошкой и грибами, кулебяками с сигом, хариусом и щукой и ватрушками с малиной, красной и чёрной смородиной, брусникой.

– Да, не беспокойтесь, Александра Захаровна, мы ведь не чаёвничать пришли, а с Никитой попрощаться, – уверяли её пришедшие, однако ж от скромного угощения не отказались.

Со временем количество гостей увеличивалось, и хозяйке пришлось залезть в свои «закрома» – сервант в сенях, где хранились припасы. На стол легли тонко нарезанная варёная и копчёная колбаса, масло, пряники, соломка. Сахарницу пришлось досыпать и заваривать чай два раза.

Стол украсило ещё одно лакомство – деревенская пицца с помидорами, колбасой и луком, сдобренная сметаной. Её бабка Шура, насмотревшись кулинарных телепередач, научилась печь в русской печи сама. Правда, на настоящую пиццу она походила только названием, и больше напоминала пирог с необычной, городской начинкой. Бабка Шура называла поначалу своё творение «птиссей», потом более похожей на оригинал – «питсей». Никита, утомлённый пирогами и кулебяками, эту «питсу» просто обожал.

Чуть позже, по мере того, как места за столом всё больше заполнялись гостями, закралось подозрение, что хлеба, испеченного вместе с пирогами и пиццей как обычно утром бабкой Шурой, на всех не хватит, и в магазин отрядили гонца за парой буханок. Гонца, каковым оказался одноклассник и друг Никиты, обожающий разного рода посиделки Санёк Овалов, кроме хлеба захватил ещё пару «красненьких». Сдачу на крупную купюру, которую не успела предусмотрительно разменять бабка Шура, он, соответственно, не принёс. Поначалу это сильно огорчило старуху, ведь до пенсии ещё надо было как-то дотянуть. Но Санёк привёл резонные доводы, чем несколько её успокоил:

– Так ведь повод-то какой! Каждый день что ли у тебя, бабка Шура, племянник в Москву уезжает? Да и куды сейчас деньги-то девать будешь? Чай на еду без него у тебя меньше их уходить будет.

Тут с ним было не поспорить. Само собой потребовалась и закуска. Без лишних разговоров бабка Шура достала из подпола банку огурцов, солёной рыбы, наловленной Никитой ещё летом, начерпала в миску из ушата на повети квашеной капусты и даже сдобрила её зелёным горошком.

Вели себя гости довольно смирно, переговаривались полусшёпотом. Но из этих разговоров краем уха бабка Шура слышала, как кто-то обронил, будто ещё не успел сегодня пообедать. Это она предвидела – ещё ранним утром она, словно знала, что к ней или племяннику кто-то обязательно зайдёт, наварила два чугунка супа. Только она не думала, что гостей будет так много.

Когда бабка Шура открыла горницу русской печи, по комнате разошёлся ароматный запах наваристой ухи, от которого у присутствующих потекли слюнки. Как раз в этот момент вошёл Василий Андреевич, который, поведя носом, сразу заулыбался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.